

Olga Ciwkacz

*Towarzystwo Kultury Polskiej im. Franciszka Karpińskiego
w Ivano-Frankivsku, Ukraina*

ЧЕСЛАВ МИЛОШ И СТАНИСЛАВ ВИНЦЕНЗ – ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ И ТВОРЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Чеслав Милош и Станислав Винценз – польские писатели, о творчестве которых в Польской Народной Республике после Второй мировой войны долгое время замалчивалось. Причиной была их судьба эмигрантов. Правда, Станислав Винценз покинул Польшу ранней весной 1940 года после того, как Западная Украина в сентябре 1939 года была оккупирована войсками Советского Союза, а сам Винценз вместе со старшим сыном Станиславом был арестован и с октября по декабрь 1939 года находился в Станиславовской тюрьме. После счастливого освобождения их тюрьмы и событий, последовавших впоследствии, он задумал при первой же возможности нелегально покинуть свою «малую Родину», ставшую территорией Советского Союза. Позже о необходимости своей эмиграции он написал в книге «Диалоги с советами»¹.

Годы Второй мировой войны Винценз провел в Венгрии, по окончании ее несколько лет жил в Германии, потом перебрался во Францию, поселился в коммуне Ла-Комб-де-Лансе недалеко от Гренобля. Ла-Комб-де-Лансе быстро стал местом, куда стали приезжать друзья и знакомые, как это было некогда в селе Слобода Рунгурская или в селе Быстрец на Гуцульщине. Там дом семьи Винценза был своеобразным культурным центром Станиславовского воеводства. Здесь Винценз занимался этнографическими исследованиями, на основе которых написал первый том своей эпопеи «На высокой полонине». В 1936 году первая книга была напечатана в издательстве «Рой» в Варшаве. Сюда приезжали на отдых Ежи Стемповский, Генрих Гофцапфель, Мариан Кистер, Мариан Голеняк, Бернард Айсельберг.

---

1 St. Vincenz, *Dialogi z Sowietami*, Londyn 1966.

В Ла-Комб-де-Лансе к Винцензам тоже постоянно приезжали как старые друзья семьи, так и новые знакомые. Больше всего среди гостей было польских эмигрантов, иногда приезжали знакомые из Польши, многочисленные приятели из Швейцарии, французы, итальянцы, австрийцы, украинские и русские эмигранты, даже американцы. Дом Винценза в Ла-Комб-де-Лансе стараниями хозяина дома в летние месяцы становился своеобразным интеллектуальным центром, благодаря приезжавшим туда ученым, писателям, художникам, людям культуры, которые могли тут общаться между собой, а инициатором этих «симпозиумов» был Станислав Винценз.

Чеслав Милош в 1945–1951 годах служил в министерстве иностранных дел Польской Народной Республики в качестве атташе по культуре в Нью-Йорке и Париже. В 1951 году его вызвали в Варшаву, где под каким-то предлогом власти потребовали сдать заграничный паспорт. Ситуация была довольно опасной для Милоша, благодаря своим друзьям он все-таки получил паспорт и сразу выехал в Париж, обратился к французским властям с просьбой о политическом убежище, потому что в Польше усилилось влияние сталинизма и цензурное давление на представителей культуры. Первые годы пребывания в эмиграции во Франции были, наверное, самыми трудными в жизни Милоша. В Польше его называли предателем, с другой стороны – не принимала среда польских эмигрантов, считавшая его коммунистическим агентом. Эти подозрения, не давали ему возможности получить визу в США, где в то время находились его жена и сын. Горечь от несправедливых обвинений росла. Из этой депрессии Милоша старались вывести авторы, связанные с Литературным Институтом и парижской «Культурой», главным редактором которой был Ежи Гедройц. Именно в редакции «Культуры» Милош лично познакомился с Винцензом, хотя знал и высоко ценил его книгу «На высокой полонине». Винценз пригласил Милоша к себе в гости в Ла-Комб-де-Венсе еще в 1951 году и так началась многолетняя дружба двух больших польских писателей, несмотря на довольно большую разницу в возрасте – между сорокалетним Милошем и Винцензой, которому уже исполнилось 63 года. Воспоминание о дружбе между Милошем и Винцензом написал свидетель их отношений Константин Еленский². Более подробно об этом, на основании корреспонденции писателей, сохранившейся в архиве Вроцлавского национального института, пишет профессор Мирослава Олдаковская-Куфель в монографии о жизни и творчестве Винценза³.

2 K. Jeleński, *Górami w miękkim blasku dnia. (O przyjaźni Czesława Miłosza ze Stanisławem Vincenzem)*, „Kultura” 1987, nr 1–2, s. 163–170.

3 M. Ołdakowska-Kuflowa, *Stanisław Vincenz. Pisarz, humanista, orędownik zbliżenia narodów. Biografia*, Lublin 2006. Благодаря автору этой монографии – профессора

Милош приехал в Ла-Комб-де-Венсе и остался под большим впечатлением дружеской атмосферы и внутренней свободы царящей в семье Винценза. Началась и довольно активная корреспонденция между ними. Письма достаточно откровенны, они передают психологическое и моральное состояние Милоша этого трудного времени. В одном из писем (вероятно осенью 1951 года) он писал:

«Дорогой, любимый пан, даже не пишу как всегда профессор, потому что мне плохо и грустно. Прошу посоветовать мне – что сделать, чтобы не чувствовать себя изменником и свиньей. Живу с этой проблемой и хожу, и сплю, и это может привести к полной катастрофе. Бог мой, если бы знал, что все так будет происходить со мной, никогда бы этого не сделал. Сегодня читал статью Антония Слонимского о себе в «Трибуне люду», он вспоминал там о номере «Дер Монат», где моя фотография была напечатана рядом с фотографией Власова и издевался надо мной, поставил меня на место рядом с кровавым преступником. Писал, что так будет с каждым, кто выступит против народной власти и т.д. Прошу сказать мне, что мне с этим делать, какой моральный выход мне остается, бьют по лицу и одни и другие, американцы считают меня продажной девкой. Хотел сделать доброе дело, искал новые дороги, искал меньшего зла, а сегодня оплеванный, побитый, нахожусь между ненавистью тех, кто остался в Польше и не видят других путей, и тупой бандой американских и про-американских идиотов. Вы – человек другого поколения, вы смотрите на эти вещи другими глазами и даже современную Польшу вы оцениваете через то, что видели в 1939 году – на ведь там теперь все выглядит иначе. Вы должны понять, что каждое слово оттуда бьет по мне очень больно, задевает за живое, а слова с той стороны вызывают только чувство сочувствия своей глупостью. Как могу и смогу ли жить с этим чувством внутреннего отчаяния, отречения от того, – что есть хорошего на этом свете [...]. Прошу понять мою трагедию и муки, ведь вы видите, как из лучших побуждений получается свинство и никчемность поступков. Моя большая вина в том, что выступление мое было необходимым, хотя я легкомысленно верил в рассудок людей. Пишу откровенно, что думаю о себе, не приукрашиваю перед вами свою вину. Я знаю, что там, в Польше, постоянно идет тихий шепот как у Сыроедов⁴, знаю это, но этот тихий шепот замрет и загаснет, ибо победа этого во всем мире неизбежна для того, кто мыслит ясно и знает, что там есть свобода, интеллигентность и уважение, а здесь глупость и оперетка. Потому что человечество должно этим переболеть, нет на это никакого рецепта и старый Стемповский совершенно прав. А что же остается для таких, как я? Ничего, я не создан для такой жизни. Вы – старый либерал, которому эту остроту дилеммы нет нужды видеть, но этой дилеммы нельзя обойти. Получил информацию, что проблемы с моей визой безнадежны...»⁵

Винценз старался отвлечь поэта от этих неразрешимых пока проблем разнообразными способами, знакомил с интересными людьми, расширял

Мирославу Олдаковскую-Куфель – за согласие на использование в этой статье архивных текстов писем Милоша и Винценза.

4 Аллюзия к рассказу Станислава Винценза о мифической стране неволи, где только изредка в тихом шепоте боли, жалоб и тоски проявляется угнетенная человеческая натура. Он вошел в состав третьей части эпопеи «На высокой полонине» – «Венок из барвинков».

5 Письма Милоша и Винценза цитирую по – M. Ōldakowska-Kuflowa, *Stanislaw Vincenz...*, s. 334–335. (Перевод с польского языка здесь и далее мой – Ольга Цивкач).

круг знакомых поэта, предлагал организовать выступление Милоша на собрании общества *Amis de la Liberte* (Друзья Свободы) в Гренобле, советовал читать классиков европейской литературы, например, «Исповедь» св. Августина. Винценз посылал другу собственные тексты, обращал внимание на произведения, в свете которых марксистская теория исторической необходимости не выдерживала критики:

«Думал о том, чтобы Вы прочитали работу Ренувье «Аналитическая философия истории», потому что вы интересно написали о том, что делают большевики с этой несчастной исторической необходимостью. Может временами лучше что-то переосмыслить, нежели испытать на собственной шкуре...»⁶.

Винценз убеждал Милоша, что марксистско-ленинская идея не является исторически рациональной, так как полностью проигрывает с научной точки зрения, а все то, что печаталось в польской и эмиграционной прессе с несправедливой критикой Милоша, не воспринимать слишком серьезно. Про статью Сергея Пясецкого, опубликованную в лондонских «Ведомостях» писал:

«Мой дорогой Друг, какой-то разбойник из-за канала замахнулся ногой, чтобы копнуть Вас, а нога его сразу же погрузилась в дерьмо, это еще не повод, чтобы вы так себя изводили, и мучили себя мыслями, что лучше было бы на коленях доползти к Вождю и что Ваш акт сопротивления совершенно глуп. Это ведь ваши слова. Получается, что вы как бы уже были сломлены советскими лагерями, только такими бесплатными агентами из «Ведомостей». Слишком много чести для них, когда Вы пишете про них, что они являются агентами, которых используют американцы»⁷.

Винценз описывал свою точку зрения на ситуацию в Польше, в Европе и во всем мире, включая её в широкий временной и пространственный контекст:

«...Эти а la Пясецкий мечтают, чтобы их американцы считали полезными, а в действительности выслуживаются, как это происходит в отношении Вас, а из-за этого и перед другими Советами, в этом случае это национальное преступление. А те в Польше мечтают и шепчут еще больше про американцев, но это как поля, на которых паслись люди, превратившиеся в скотину в стране Сыроедов – один и тот же шепот стелется из конца в конец – а в действительности, даже защищая Польшу, они принуждены служить Советам. Это вся дилемма висит над Польшей и от этого, а не от чего-то иного вы убежали. Пусть Господь Бог вас сохранит от такого положения между этим выбором, потому что Вы бежали, не только от пассивного служения Сталину, а к своей настоящей судьбе и к внутренней свободе. (В конце концов также и в Ля Комб, не так ли?)»⁸.

Винценз всеми силами старался изменить негативное отношение Милоша к самому себе и опирался на его поэтические амбиции, старался поднять

6 Цитирую письмо по – M. Ołdakowska-Kuflowa, *Stanisław Vincenz...*, s. 335.

7 Там же, s. 336. Здесь речь идет о статье: S. Piasiecki, *Były popucznik Miłosz*, „Wiadomości” 1951, nr 44, s. 3.

8 Цитирую письмо по – M. Ołdakowska-Kuflowa, *Stanisław Vincenz...*, s. 336–337.

у Милоша заниженную самооценку своего творчества, переубедить его, что решение остаться в свободной части Европы было необходимым и даст, в скором времени, свои результаты. В первых месяцах этой корреспонденции казалось, что ни дружеская атмосфера, которой Винценз старался окружить поэта, ни усилия обратить его внимание к чему-то новому, ни разумные аргументы, которыми он старался разубедить Милоша в его сомнениях, не очень-то помогают. В письмах Милоша постоянно присутствует тема отказа в американской визе, очередной отказ обиженный поэт прокомментировал так:

«Это случилось, несмотря на усилия влиятельных американцев, несмотря на помощь, которую оказал мне *National Catholic Welfare* (Национальный совет католического благосостояния) наиболее влиятельная американская католическая организация, которая собрала о мне информацию у католических священников в Европе. Полицейская ментальность понимает только полицейскую ментальность, с момента, когда информация о поляках опиралась на «советниках» из польской эмиграции, количество этих мнений, что я являюсь советским агентом, было достаточно, чтобы перевесить все иные мнения»⁹.

С другой стороны известия из Польши только углубляли пессимистические настроения поэта:

«Гадеуш Боровский совершил самоубийство в Варшаве открутив газовый кран – это было самоубийство – не трагический случай, теперь уже есть этому подтверждение. Ивашкевич сказал в своем слове «мы находимся в такой ситуации, что выбора нет»¹⁰.

Милош получил письмо от знакомого по Польше Доминика Городинского, который начинался словами «Любимый Чеслав!» и вроде-бы был написан в довольно теплом тоне, но в то же время содержал серьезные упреки поэту в том, что, эмигрировав и оказавшись на стороне «врагов», он подверг многим неприятностям своих друзей в Польше. Письмо заканчивалось достаточно патетическим призывом, чтобы поэт воздержался от каких-либо политических антикоммунистических выступлений и советом «друга» в ближайшее время писать только «в стол». Можно только предполагать, было ли написано это письмо Городинского по собственной инициативе писателя и публициста, связанного с РАХ-ем или под внешним влиянием? Но с уверенностью можно сказать, что это письмо не снизило негативного эмоционального напряжения Милоша.

Со временем эти проблемы все же стали отходить на дальний план, а Милош был даже удовлетворен, что его личность все еще не дает покоя таким особам как Ивашкевич или Лихняк, а среди западных писателей, например, Жану Полю Сартру¹¹. В корреспонденции писателя начинают превалировать иные мотивы. Медленная терапия, особенно постоянные приезды

9 Цитирую письмо по – М. Ołdakowska-Kuflowa, *Stanisław Vincenz...*, s. 338.

10 Tamże, s. 338.

11 Смотря подробнее: М. Ołdakowska-Kuflowa, *Stanisław Vincenz...*, s. 339.

Милоша в Ла-Комб-де-Лансе, которые называл даже «паломничеством», в отличие от обыкновенных путешествий, начинали приносить свои плоды. Гостя у Винцензов, Милош не только имел возможности вести продолжительные дискуссии со своим «профессором». Он слушал его рассказы или чтение рассказов, основанных на гуцульских или еврейских (особенно хасидских) легендах или рассказах. Как сам он позже утверждал, что так постепенно избавлялся от чувства трагизма жизни в эмиграции. В Ла-Комб-де-Лансе Милоша принимали сердечно, и он охотно поддавался «лечению», как называл влияние старшего приятеля, в 1958 году он напишет об этом с в своей статье «Ля Комб»:

«У Винценза были со мной проблемы. На мое историческое беспокойство он приписывал лекарства: «Республику» Платона, произведения Якуба Буркгардта и Макса Вебера. Он утешал меня, убеждая, что в остальном помогут жизненные силы Жмудзина»¹².

Можно сказать, что в то время он был уже полностью «излечен», потому что сумел в этой статье, впервые напечатанной в «Культуре», справедливо оценить то, что возвращением к моральному «здоровью» обязан Винцензу. Поэт подвел итогу важными словами:

«Хочу сделать ему подарок в виде этой статьи. Написал ее с целью порвать с традицией умолчания в прессе о наиболее творческих связях, с медленными последствиями, но бесомненными»¹³.

Милош тут же писал, что не только он ездил в маленький городок Лансе около Гренобля, у каждого из гостей были свои причины, но объединяло их то, что они все были изгнанниками из своих родных краев.

Корреспонденция показывает, что дружба между писателями была важной для обоих. Милош и Винценз информировали друг друга о своем творчестве, обменивались мнениями относительно творчества Платона, Данте, Элиота, Томаса Манна, Мицкевича и многих иных авторов. В своей корреспонденции они вели дискуссии, связанные с литературой и не всегда соглашались в своих мнениях. Интересными являются, например, оценки обоих, которые касались, например, творчества Витольда Гомбровича, к которому Винценз относился весьма критично, а Милош с большим энтузиазмом воспринимал автора «Трансатлантики».

Уважая знания Винценза, Милош часто советовался с ним или просил информацию, особенно по вопросам истории культуры и философии. Когда, например, искал литературу, указывающую на отношение французов к России. Винценз советовал Милошу, тогда уже преподающему славянскую лите-

12 Ч. Милош, *Ла Комб*, „Kultura” 1958, № 6 (140).

13 Tamże, s. 30.

ратуру в Беркли, обратить внимание на религиозный аспект русской литературы, рекомендовал прочитать «Очерки русской религиозности» Миллюкова, высказывания Паскаля о протопопе Аввакуме и другие источники. Милош писал, что советы Винценза помогли ему прийти к выводу о своеобразной целостности восприятия европейской культуры и американской, корни которой также выводятся из Европы.

Когда Милош перевел с французского языка 22 сентенции Гераклита, известного античного философа, он обратился к Винцензу критически их оценить. Винценз выполнил эту просьбу, вернее корректуру, опираясь на греческий текст, и приложил даже собственный перевод некоторых отрывков. Они вошли в состав «Ноты о Гераклите» Милоша, опубликованных в книге «Континенты» в 1958. Тут он подчеркнул, что переводы фрагментов Гераклита сделал благодаря Винцензу.

Сотрудничество приятелей имело разные формы. В 1955 году вышла книга Милоша «Долина Иссы», пожалуй его единственное художественное произведение, основанное на исторических, географических, культурных реалиях Литвы, в которой он провел детство. Можно предположить, что она была написана в атмосфере восхищения Милошем фрагментами из «Высокой полонины», которые читал ему Винценз – особенно рассказами, легендами, образами утраченной гуцульской Атлантиды, о чем сам писатель позже вспоминал в своей книге «Podróżnym świata»¹⁴ Милош со своей стороны старался помогать Винцензу. После выхода в свет английского перевода некоторых частей из «На высокой полонине», он написал рецензию на это издание, которую опубликовал в «Культуре», где подчеркнул высокую художественную ценность этого произведения и надеялся, что книга будет опубликована полностью.

В 1960 году Милошу все же удалось получить визу и выехать в США, в Беркли. Тут он продолжил старания, которые предпринял еще во Франции, чтобы помочь Винцензу опубликовать его книгу эссе «На стороне памяти». Как можно судить по корреспонденции, работа над содержанием книги и выбором наиболее важных эссе началась только в 1961 году. Предварительно, Винценз выслал Милошу эссе, которые он намеревался опубликовать в своей книге, упоминание об этом сохранилось в архиве Винценза во Вроцлаве¹⁵ Дополнительно еще и воспоминание о Нухиме Бомсе «Поэт серебряных

14 *Podróżny świata* – seria dwudziestu sześciu wywiadów z Czesławem Miłoszem przeprowadzonych przez Renatę Gorczyńską (używającą wówczas pseudonimu Ewa Czarnecka) w Berkeley w 1979 i 1980 r., wydanych w 1983 roku w Nowym Jorku.

15 См. Архив Станислава Винценза в Национальном Институте Оссолинеум во Вроцлаве – 17552/II, 3 s. 15–18; 4 s. 25–38.

цветов» на двух языках – польском и идиш¹⁶. Следует подчеркнуть, что название книги не нравилось Милошу, но Винценз настоял на своем, подчеркивая, что в этом весь первоначальный смысл книги. Милош сделал выбор, посоветовал сделать сокращения, предлагал изменить некоторые названия эссе и сделать дополнительный перевод цитат, которые автор приводил на французском языке. Он предлагал не печатать в первом издании книги такие эссе как «Aneks do obecności Dantego», «Conrad i konwencje», «O możliwości rozpowszechnienia kultury i literatury polskiej», «O możliwości dla polskiej książki na uchodźstwie», «Reakcja na artykuł Börkenana», «Z nowej literatury Żydowskiej Manes Speber», «Polski wstęp do filozofii greckiej»¹⁷.

В итоге книга Винценза вышла впервые в Париже в 1965 году со вступлением Милоша¹⁸, который считал, что эти эссе оставят значительный след в истории польской литературы. В это издание вошли 12 эссе – «Pauzanie», «Krajobraz dla dziejów», «Pole Bobrowiec», «Brama do Węgier», «Iliada», «Odysseja», «Węże Dantego», «Dantyzm w Polsce», «Hamlet jako czytelnik», «Czy Conrad jest antyrosyjski», «Qu'une larve dans L'océan», «Ofiara» Stefanii Zahorskiej, «Poeta srebrnych kwiatów», «O słowie i mówieniu».

Некоторые эссе позже были опубликованы в иных сборниках Винценза, а эссе «Поэт серебряных цветов» о еврейском поэте Нухиме Бомсе, было напечатано ранее в «Культуре», к нему был добавлен перевод с идиш Чеслава Милоша на польский язык стихотворения Бомсе «Молитва моей матери пред сумерками»¹⁹. Впоследствии Милош перевел его же на английский язык.

Милош также подчеркнул, что эта книга эссе является важной и оставит след в польской литературе, а выбор эссе является логичным как и завершением всего сборника эссе о значении языка – вернее слова. При этом считал, что для польского читателя эта книга может показаться чем-то экзотическим, но никто кроме Винценза не мог бы написать – таких эссе.

Во вступлении к сборнику «На стороне памяти» Милош написал также о том, для чего многие из его знакомых эмигрантов, люди разных национальностей ездили в маленький городок Ла-Комб-де-Лансе около Гренобля. Они хотели обрести моральное здоровье в общении с мудрецом – Станиславом Винцензом. Общаясь с Винцензом, Милош постепенно узнавал секрет Винценза, который был в том, что этот необыкновенный человек не чувствовал себя изгнанником, он ощущал себя человеком мира и радовался всему, что

16 См. Архив Станислава Винценза – 17602/ II, s. 43–58.

17 См. Архив Станислава Винценза – 17604/II, h 2, s. 14–22.

18 St. Vincenz, *Po stronie pamięci. Wybór esejów*, Paryż 1965, Biblioteka „Kultury”, Tom CXIV, s. 253.

19 „Kultura” 1955, № 7/93–8/.

его окружало. Он часто не мог угостить своих гостей ничем кроме помидоров и паленты, но это угощение и философское отношение к окружающей его действительности, отказ от вечных мучений эмигрантов о прошлой жизни передавалось его гостям, своим примером он излечивал их от эмигрантской тоски и пустых страданий.

После переезда Милоша в США переписка утратила свою интенсивность, но дружеские отношения между ним и Винцензом сохранились. Дружбе писателей способствовали приезды Милоша уже со своей семьей в Ла Комб, Винценз даже написал для сына писателя «Сказку о Ледяной Бабе» на основе гуцульского фольклора.

В небольшой статье мы пытались осветить основные моменты дружбы и взаимовлияния Милоша и Винценза, в основном используя уже известную корреспонденцию писателей. Но эта тема требует дополнительного исследования, если принять во внимание, что в архиве Станислава Винценза в Национальном институте Оссолинеум во Вроцлаве сохранилось множество заметок, черновиков и набросков, проектов изданий, касающихся взаимоотношений Милоша и Винценза, которые еще не были предметом научного исследования.

Bibliografia

- Ołdakowska-Kuflowa M., *Stanisław Vincenz. Pisarz, humanista, orędownik zbliżenia narodów. Biografia*, Lublin 2006.
- Vincenz St., *Dialogi z Sowietami*, Londyn 1966.
- Jeleński K., *Górami w miękkim blasku dnia. (O przyjaźni Czesława Miłosza ze Stanisławem Vincenzem)*, „Kultura” 1987, nr 1–2, s. 163–170.
- Piasiecki S., *Były popucznik Miłosz*, „Wiadomości” 1951, nr 44.
- Vincenz St., *Po stronie pamięci. Wybór esejów*, Paryż 1965, Biblioteka „Kultury”, Tom CXIV

Stanisław Vincenz (1888–1971)

Czesław Miłosz (1911–2004)

Olga Tsivkach

*The Franciszek Karpiński Society for Polish Culture
in Ivano-Frankivsk, Ukraine*

**CZESŁAW MIŁOSZ AND STANISŁAW VINCENZ – A HISTORY OF FRIENDSHIP
AND CREATIVE COLLABORATION**

Summary

The author of the article analysed the relationship between two prominent Polish writers: Czesław Miłosz (1911-2004), the Nobel Prize winner of 1981, and Stanisław Vincenz (1888-1971), Polish author of prose and essays, an expert and lover of the Hucul culture and of the thought and art of ancient Greece. The friendship between these two authors, their views on the condition of Europe after World War II, and their dialogue on aesthetic issues are presented by the author in the light of the correspondence between Miłosz and Vincenz, which thrived until the poet returned from the United States.

Keywords: Stanisław Vincenz, correspondence, Czesław Miłosz, friendship, Europe.